

ЕКАТЕРИНА САМУСЕНКО

ФРАНЦИЯ ДЛЯ ЧАЙНИКОВ

*...ЧЕМОДАНОВ, ВЕЛОСИПЕДОВ И
ПОЧТОВЫХ МАРОК*

Екатерина Самусенко
Франция для чайников...
чемоданов, велосипедов
и почтовых марок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70080589

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-90850-5

Аннотация

Что если бы ваш багаж умел говорить? Вряд ли его впечатления от поездки совпали бы с вашими. Очень субъективная повесть о нешаблонной, но вместе с тем чарующей Франции без круассанов, изысканного вина и лавандовых полей.

Содержание

Предисловие	4
1. Чемодан	6
2. Рюкзак	16
3. Блокнот	19
4. Ватман	22
5. Раковина и камень	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Самусенко Франция для чайников... чемоданов, велосипедов и почтовых марок

Предисловие

Настоящей француженке – по крайней мере той, что показывают в рекламе парфюмерии или шоколада, – для путешествия нужно всего ничего: берет, винтажный фотоаппарат и крохотная сумочка, куда поместится только посадочный талон.

О таких путешествиях я ничего не знаю. В те два семестра, что я провела на стажировках во французских университетах, я носилась от Нормандии до Альп в сопровождении чемоданов, рюкзаков и даже зонтика по имени Франсуа. И поскольку большую часть поездок я проделала в одиночку, то именно эти вещи пережили вместе со мной массу восхитительных и позорных, возвышенных и дурацких происшествий.

Я с удовольствием предоставила бы им слово, если бы не боялась, что за все пережитое они покроют меня трехэтаж-

ной бранью.

Итак, мне придется пересказать все самостоятельно.

1. Чемодан

Наверное, каждый путешественник знает, что такое бочка Дианад. В свое время несчастные гречанки Данаиды были обречены вечно лить воду в бочку, которая чудесным образом опустошалась сама собой. Эффект же Дианад – то есть Данаид наоборот – проявляется, когда ты, собираясь в дорогу, скрепя сердце вытаскиваешь из чемодана очередную вещь, а он с каждым разом вмещает в себя все меньше и меньше.

Во время пребывания во Франции мой чемодан, судя по всему, сел на диету и решительно отказался вмещать даже часть тех вещей, которые я в нем привезла. Не помогли ни увещевания, ни расстегнутая потайная молния, призванная увеличить его объем, – чемодан успокоился и согласился пойти на переговоры лишь после того, как в него поместили бутылку нормандского сидра, бережно завернутую в колготки.

Определенно, за шесть лет его характер испортился. Еще в 2016 году я почти случайно купила модный красный чемодан в Петербурге – тогда мне срочно нужно было перевезти домой припасенные на полгода вещи, в том числе восьмисотстраничную книгу «Старый Петербург» (что вы хотите, я ведь ехала поступать на филфак!). В то далекое время мой чемодан еще воспринимал такие авантюры с энтузиаз-

мом, но теперь, отгремев десятки километров по брусчатке французских *centre-ville*¹, он скрипел выдвижной ручкой и прихрамывал на одно колесо даже на ровном асфальте.

Расставаться со старичком было жаль, да и покупка нового чемодана влетела бы мне в копейчку. А ведь нас с ним ожидало настоящее приключение: нам нужно было выехать из канского² общежития в Париж, а через пару дней отправиться домой через Хельсинки. В конце концов я пошла на компромисс и отправила часть вещей посылкой, а еще часть решила раздать другим студентам.

Если ты не Диоген, то за четыре месяца проживания в общежитии ты незаметно обзаведешься целым хозяйством – чайником, пледом, постельными принадлежностями и прочими жизненно необходимыми вещами вроде диско-шара. (Я не преувеличиваю: первым, что я увидела при заезде в общежитие, был висящий под потолком одинокий диско-шар; правда, это было не в Кане, а в Петербурге!) Что-то из этого я упаковала в посылку, что-то отнесла в общий шкаф на первом этаже. И шкаф не подвел: едва я положила туда одеяло и подушку и отошла на пару минут, их немедленно и след простыл – не иначе как перенеслись в Нарнию отогревать ее обитателей от вечной зимы.

Наконец, собрав в отдельный пакет соусы, приправы и

¹ Центральных кварталов города (фр.)

² Кан (Саен) – город в Нормандии на севере Франции. Неопытные путешественники часто путают его с Каннами (Cannes) на Лазурном берегу.

крупы, которые мне не хотелось выбрасывать, я позвонила своей подруге из Польши, жившей в том же общежитии. Она должна была выезжать вместе со мной, но заболела в самый разгар сессии и осталась на пересдачу.

– Хорошо, я все это заберу, – согласилась Богумила, – но тогда и ты, пожалуйста, тоже возьми кое-что на память.

Я радостно согласилась (еще бы, такая возможность освободить руки!) и немедленно побежала на два этажа вверх.

На пороге комнаты Богумилы у меня потемнело в глазах: подруга радостно протягивала мне пакет еще большего размера. Внутри оказались коробки с печеньями макарон, россыпь шоколадных пасхальных яиц и какие-то конфеты с нечитаемыми польскими надписями. Вершиной всего был огромный постер с образцом нормандского юмора: на нем была карта Франции, где над всей страной шел дождь и только над Каном и Руаном оптимистично сияло солнце.

Обидеть Богумилу и отказаться от подарка я бы не посмела, хотя чемодан при виде всего этого безобразия немедленно издал угрожающий скрип. Так я, словно в мечтах восьмилетней девочки, отправилась в Париж с чемоданом, рюкзаком, сумкой и огромным пакетом сладостей...

Следующие два дня чемодан спокойно почивал под столом в парижской гостинице, готовясь к трансферу в аэропорт. На этот раз я решила сэкономить и не вылетать из знаменитого Шарль-де-Голля (билеты из него стоили от ста ев-

ро), а купить билет на бюджетный рейс из небольшого аэропорта Бове. Только через некоторое время мне пришло в голову проверить, как же туда добираться. Выяснилось, что аэропорт расположен в семидесяти километрах от Парижа, гораздо ближе к городу Амьен³, но даже с учетом доплаты за трансфер и багаж билет оттуда оказался существенно дешевле.

За месяц до того нелегкая уже заносила меня в окрестности Амьена – тогда мы с группой иностранных студентов, возвращаясь из поездки в Амстердам и Брюссель, застряли поздно ночью где-то на просторах О-де-Франс. В это время у водителя нашего автобуса закончилась смена, и ему нужно было поспать полтора часа, которые мы провели на одинокой автозаправке *au milieu de nulle part*⁴. К сожалению, мое знакомство с бельгийской кухней ограничилось знаменитой картошкой фри и каким-то незначительным перекусом с утра, так что на подъезде к Амьену я страшно злилась на свою бестолковость: это же надо было не взять с собой в автобус ни одной бельгийской шоколадки! Есть хотелось так сильно, что я потратила в местном буфете невероятную сумму в двенадцать евро на крошечный несъедобный бургер (если бы эту кафешку оценивал Мишлен, он несомненно дал бы ей все три звезды – еще бы, готовят бургеры из такой хо-

³ Амьен (Amiens) – город на севере Франции в регионе О-де-Франс.

⁴ Неизвестно где, у черта на куличках (фр.)

рошей резины!⁵). В общем и целом, не видел ни воспетого Прустом Амьенского собора, ни музея Жюль Верна, я чувствовала, что ничего хорошего под Амьеном меня не ждет.

Трансфер в аэропорт Бове отходил от площади Порт-Майо. После дня прогулок по Парижу я вернулась в отель за своим багажом и спустилась в метро, а вернее, в подземную электричку RER. Там шел очередной ремонт, из-за чего я, сама не поняв как, проехала мимо нужной станции и оказалась на знаменитой площади Звезды. В обратную сторону поезда не ходили, единственный заменяющий автобус подъехал забитым вплотную, и я, подхватив весь свой багаж, бросилась бегом вдоль проспекта Великой армии (повезло, что туристов в этом месте было немного!).

Едва приехав в Париж, я почувствовала, как по всему городу мечется потревоженный дух барона Османа⁶. Перед будущей Олимпиадой на ремонт закрыли практически все: Эйфелеву башню решили перекрасить, Большой дворец стоял весь в лесах, к многострадальному Нотр-Даму было не подойти, а древнеегипетский Луксорский обелиск на площади Согласия, который до тех пор неплохо себя чувствовал лет тысячи так три, загородили со всех сторон параллелепипедом с надписью: «Министерство культуры». Площадь Порт-

⁵ Иронично, что знаменитый гид «Мишлен», присваивающий звезды лучшим ресторанам, непосредственно связан с производством автомобильных покрышек.

⁶ Барон Жорж Эжен Осман – французский государственный деятель середины XIX века, устроивший масштабную перепланировку Парижа.

Майо не стала исключением: как раз к моему приезду там решили прорыть очередную ветку RER, и все пространство на поверхности превратилось в великолепный образец садово-паркового искусства первой четверти XXI века – запутанный лабиринт.

Я вбежала на станцию метро «Порт-Майо» за семь минут до отбытия автобуса. О счастье – несмотря на Первое мая, окошко кассира было открыто, и у него толпилась группа туристов, которые из-за ремонта не смогли добраться до Триумфальной арки. Кассир долго спорил с ними, затем махнул рукой и собрался было уходить, но тут выскочила я:

– Умоляю, только один вопрос! Где трансфер в аэропорт Бове?

– На улице! – не по-французски неучтиво огрызнулся кассир, вынужденный отвечать на глупые вопросы в свой законный выходной – День труда, и опустил жалюзи.

И в самом деле, на выходе из метро я увидела указатель, направленный в противоположную сторону площади...

Я нажала на кнопку выдвигания ручки, собираясь рвануться с места, но мой чемодан окончательно решил увидеть Париж и умереть – ручка выдвинулась только наполовину и заклинила в таком положении. Делать было нечего, и я побежала между заборами в полуприсяде, волоча своего спутника за собой. (Если бы это видели мои преподаватели физкультуры, зачет за все три года мне был бы обеспечен!)

Когда я наконец забросила чемодан в багажное отделение

автобуса и уселась у окна, моему счастью не было границ. Как же хорошо, что я успела на последний рейс шаттла! Поскольку самолет вылетал только в 6:30 утра, мне предстояла ночь в аэропорту, но это явно было лучше, чем блуждание по лабиринту Порт-Майо в три часа ночи, когда отправлялся следующий шаттл.

Автобус летел по трассе в закат, а вокруг в лучших традициях фильмов-катастроф постепенно сгущались сумерки.

Аэропорт оказался небольшой бетонной коробкой, внутри которой ютились два рестораника, десяток стоек регистрации, несколько рядов стульев и пункт обмена валют. С видом Луи-Филиппа в изгнании⁷ я обошла аэропорт в поисках специального зала для VIP-пассажиров, но ничего не нашла (чтобы взять в салон две сумки, я впервые в жизни купила билет первого класса и чувствовала, что все должны обращаться ко мне не просто «Madame», а по крайней мере «Votre Altesse»⁸). Ничего не поделаешь – я перекусила в кафе и уселась в зале ожидания для простых смертных.

Где-то через пару часов по залу прошел охранник:
– Аэропорт закрывается! Аэропорт закрывается!

Я мгновенно очнулась от наступавшей дремоты и вскочила:

⁷ Король Франции, свергнутый в 1848 году и отправившийся в ссылку в Лондон.

⁸ Ваше высочество (фр.)

– Как? Что случилось?

– Аэропорт закрывается до шести утра. Все на выход, пожалуйста.

Оказалось, что жителям ближайшей деревеньки Тийе так не нравилось, что взлетающие самолеты не дают спать их курочкам и пороссятам, что они – жители, а не пороссята – потребовали, чтобы аэропорт закрывали на ночь.

– А где же мне ночевать? Здесь есть гостиница?

– Вам повезло, в прошлом году построили. Тут недалеко, меньше километра.

... Чемодан гремел по брусчатке не хуже двигателя Боинга, так что беспокойным жителям деревни Тийе, вероятно, поспать так и не удалось. Вокруг собиралась буря – дождя не было, но ветер дул так, будто знаменитый мистраль⁹ устал от работы в Провансе и решил махнуть на каникулы на север Франции. По законам жанра дорога проходила мимо старого кладбища, но в его сторону я старалась лишний раз не поглядывать. Заветная вывеска в конце пути приближалась слишком медленно...

– Добрый вечер, мне один номер, пожалуйста.

– Добрый вечер. Восемьдесят евро.

Вот так экономия!.. За эти деньги в сумме со стоимостью билета и багажа я спокойно могла бы улететь из цивилизованного Шарль-де-Голля без всяких трансферов, беготни и ночевков непонятно где... но ведь так было бы неинтересно,

⁹ Сильный ветер, дующий в Провансе на юго-востоке Франции.

правда?

Я выложила на стойку паспорт и сто евро наличными и уселась на диване, расставив вокруг себя свой багаж.

– А где же ваша карта?

– Моя банковская карта не работает, у меня есть только наличные.

– Но тогда я не смогу вас поселить: мне нужно забронировать средства на вашем счете.

– Давайте я оставлю у вас паспорт или ноутбук, такая бронь подойдет?

– Нет, так не положено.

За окном свистел ветер. Я судорожно листала онлайн-карту на телефоне: поблизости ничего нет... до рейса шесть часов... говорят, что один член Французской академии, русский эмигрант, в молодости жил на парижском кладбище¹⁰, так может быть, и мне переночевать в каком-нибудь уютном склепе по соседству?..

Чемодан жался к ноге, как собака, которую в холодную ночь выгоняют из дома.

Видя мои страдания, администратор смягчился:

– Ладно, давайте сюда вашу российскую карту, я попробую что-нибудь сделать.

И – словно голос с небес!

– Вот ваша карта и сдача. Ваш номер 307, приятного отдыха.

¹⁰ Легенда связана с биографией Андре Макина.

Очевидно, администратору просто стало жаль меня, и он как-то обошел требования системы, потому что на моем российском счете он ничего забронировать не мог. Но в тот момент в моей голове не промелькнуло даже тени этой мысли, потому что я в несколько прыжков вместе со всем своим багажом воспарила на четвертый (третий по-здешнему) этаж.

...Через десять часов, снимая чемодан с багажной ленты в Хельсинки, я по привычке нажала на кнопку выдвигания ручки и остолбенела: ручка выдвинулась до конца, как ни в чем не бывало! Колеса скользили по полу аэропорта, будто новые.

Раз чемодану не удалось умереть в Париже, то заканчивать свои дни в Финляндии он, по-видимому, не собирался.

Я улыбнулась, закинула рюкзак на плечо и покатила чемодан за собой.

2. Рюкзак

Огромный зеленый рюкзак с оранжевой каемкой съездил со мной на полторы французских стажировки и в бесчисленное количество более мелких поездок. Страшно подумать, что в мои руки он попал уже пожившим и готовым выйти на пенсию.

Когда в преддверии осенних каникул в Гренобльском университете¹¹ (представляете, у французских студентов есть каникулы весной и осенью!) мы с подругой Полиной готовились к большой поездке на север Франции, во мне внезапно заговорила совесть: как же так, я буду отдыхать на каникулах? Прямо-таки отдыхать? А как же диплом?

– Ну возьми с собой ноут, поработаешь в свободное время, – предложила Поля.

– Да я не хочу таскаться еще с одной сумкой!

– Зачем тебе две сумки? Возьми рюкзак, в него все поместится. Вот, держи, – Поля полезла куда-то на антресоли и вытащила оттуда помятый, но вроде бы целый и вместительный рюкзак. – Бери, я себе новый купила, а этот собралась выбрасывать, потому и убрала.

Пару недель спустя в невесть сколько часов утра мы уже ехали в поезде Кан-Понторсон. В окне под серым небом

¹¹ Гренобль – город в юго-восточной части Франции, расположенный у подножия Альп.

мелькали сочные зеленые поля, между которыми изредка проносились нормандские деревушки с одинокими колокольнями. Поля спала, а я стучала по клавишам ноутбука, расшифровывая франкоязычные интервью. Напротив на свободном сиденье стоял рюкзак, философски глядя двумя прорезями кармана на совершенно плоский горизонт. Я тоже поглядывала в окно, стремясь первой различить знаменитый силуэт Мон-Сен-Мишеля¹², напоминающий одновременно Хогвартс и Диснейленд.

Рюкзак уже успел промокнуть под бесконечным нормандским дождем и забиться сувенирами с изображением Руанского собора, изящных утесов Этрета, особняков Довиля и базилики Лизьё. В Кане, к сожалению, мы ничего не купили и почти ничего не увидели, потому что приехали в город уже под вечер, а выехали из него в шесть часов утра. Кто же тогда знал, что через год мы с рюкзаком снова приедем в Кан и останемся там на целый семестр!..

...В Канском университете мне повезло учиться вместе с группой киноведов, которым задали снять короткометражный фильм по стихотворению из хрестоматии. После долгих споров ребята остановились на стихотворении сюрреалиста Андре Бретона «Подсолнух», и я, к стыду своему, не оценила их выбор по достоинству. Речь там шла о путешественни-

¹² Мон-Сен-Мишель – средневековое аббатство на крошечном скалистом острове посреди бухты Сен-Мишель, знаменитой своими масштабными приливами и отливами.

це, которая гуляла по Парижу, а вокруг нее творились всякие чудеса: звенели колокольчики, разговаривали сверчки и гуляли привидения. На очередной встрече съемочной группы я вздыхала, ожидая, что мне в лучшем случае дадут роль третьего сверчка в пятом ряду, когда режиссер вдруг спросил меня:

– Хочешь сыграть главную роль?

– Да!!!

– Смотри, если ты играешь путешественницу, то тебе надо будет одеться по-походному. Куртка, джинсы, кроссовки... Найдешь?

– Найду. А еще, – я решила зайти с козырей, – у меня есть рюкзак.

– Отлично, бери его!

Через месяц я отправила готовый фильм Поле, не удержавшись от того, чтобы не поддразнить ее:

– Ни за что не угадаешь, кто здесь играет в двух главных ролях!..

В некоторых сценах рюкзак, сияющий от осознания своей пользы для общества, выглядел даже лучше меня.

3. Блокнот

– Для начала – общий план: поезд прибывает на перрон. Средний план: путешественница выходит из вагона и беспокойно озирается. Дальше крупным планом, но слегка снизу, ее лицо, пока она спускается в подземный переход...

Я быстро записывала за Томом: *plan d'ensemble, plan serré, contre-plongée*¹³. Пока что толку от меня было немного, поскольку в кино я не понимала ровно ничего, но все эти термины могли пригодиться мне потом в каком-нибудь переводе.

– Нам нужен реквизит для перехода из реального мира в фантастический, – заметила Аксель. – Давайте путешественница найдет на скамейке блокнот, начнет его листать и провалится в сон.

– Давайте, – поспешно согласилась я и вынула из рюкзака пустой блокнот: я покупала его не для съемок, но не могла упустить возможность хоть как-то пригодиться ребятам. (Тем более, итоговая оценка за работу выставлялась с учетом отзывов съемочной группы о каждом участнике, и мне нужно было себя зарекомендовать!)

Блокнот был тщательно проинспектирован и одобрен – сначала заместителем режиссера Аксель, а затем и самим ре-

¹³ общий план, крупный план, съемка снизу (фр.)

жиссером Томом. На страницах сразу начали появляться зарисовки будущих сцен.

...Излишне говорить, что в первый день съемок Аксель – творческая личность! – забыла блокнот дома, и за ним пришлось возвращаться. Из-за задержки старта мы не уложились в расписание и бегали с перрона на перрон, чтобы поймать хоть какой-нибудь прибывающий поезд. И все же то свет падал неправильно, то на перроне было слишком многолюдно – в общем, заместитель режиссера, она же оператор, никак не могла поймать идеальный ракурс, а Том, сидя на парах, писал нам, что мы все делаем неправильно.

Решили переключиться на съемки моего спуска в подземный переход. И снова все было не так, как задумано – то у меня было недостаточно напуганное выражение лица, то возникали посторонние люди и все портили... В конце концов мы образовали удивительную группу, достойную изображения на картине Брейгеля «Слепые»: я медленно спускаюсь по лестнице, тревожно озираясь вокруг; передо мной пятится оператор, которого сзади придерживает мальчик с кинохлопушкой, а в самом низу стоит еще один член съемочной группы и отгоняет случайных прохожих.

На пятом дубле Аксель радостно крикнула «Снято!» и тут же грохнулась с предпоследней ступеньки: мальчик с хлопушкой решил, что его работа выполнена, и отошел в сторону.

Через три дня можно было подумать, что наша группа снимала не сюрреалистический триллер, а боевик с гонками и рукопашными боями: Аксель ковыляла на костылях с забинтованной ногой, я набила шишку о скамейку, раз за разом выразительно проваливаясь в сон после прочтения заколдованного блокнота, а Том посадил голос от криков на всю площадку. Оставалась последняя сцена: главная героиня с развевающимися волосами стояла в темной комнате под светом единственного прожектора, а на нее сверху падали листки того самого блокнота (их разбрасывали двое ребят, взгромоздившиеся на стол, а еще один наш одноклассник лежал на полу и держал перед собой фен, чтобы листки падали медленнее и красиво кружились).

– Вот что я вам скажу: если наш фильм не попадет на Каннский фестиваль, то у современного кинематографа нет будущего, – заявила я после съемок, когда мы обессиленно лежали по креслам и диванам.

– Не Каннский, а Канский, – поправила меня Аксель. – Все просто обалдеют.

И правда: в этот момент в комнату вошли родители одноклассника, в доме которого мы проводили съемки, и остолбенели.

4. Ватман

Как можно догадаться, курс литературы для киноведов я выбрала совершенно случайно: дело в том, что на сайте Канского университета не было описания учебных программ, и мне при составлении учебного плана приходилось ориентироваться только на названия предметов и количество зачетных единиц. Правда, в остальных случаях выбирать было намного проще: две пары перевода в самом деле оказались переводом с русского на французский и обратно; на двух теоретических дисциплинах было много грамматики, сложных схем и текстов Золя и Бальзака; ну а анализ рекламы вел очаровательный месье Дидье, который показывал нам самые сумасшедшие рекламные ролики и до того сногсшибательно шутил, что я едва не влюбилась в него (а потом, когда ношение масок отменили, не узнала его на паре и страшно удивилась).

Был и еще один курс с многообещающим названием «Франкофония». На первой же паре преподавательница из Норвегии объявила, что задумала небольшую лингвистическую конференцию, и стала приглашать всех принять участие в сессии постерных докладов. Я переглянулась с соседкой по парте, и после занятия мы договорились подготовить доклад вместе. Этой соседкой и была Богумила, впоследствии одарившая меня всякой вкуснятиной перед выездом

из общежития.

У нас были наполеоновские планы: нам предстояло составить анкету о трудностях общения на иностранном языке и опросить по ней пару десятков иностранных студентов. Я взяла на себя составление опросника и анализ результатов, а Богумила – поиски участников исследования (она изучала французский не так давно и занималась на языковых курсах, где и собиралась искать наших жертв). Когда анализ данных был почти завершен, Богумила радостно притащила еще одну пачку анкет – тогда я поняла, что, если я выживу и доведу исследование до ума, наш доклад непременно станет гвоздем программы.

Готовая работа заняла не меньше шести страниц. Мы с Богумилой долго спорили, будем ли мы рисовать плакат от руки или же склеим между собой несколько листов А4; однако, едва закончив исследование, я осознала, что нам необходимо печатать постер на ватмане.

Утром дня Д мы бежали из копировальной фирмы в университет: я – осторожно придерживая скрученный ватман, чтобы он не помялся, Богумила – так же бережно держа над мной (или скорее над ватманом!) зонтик.

– Готово? – встретила нас мадам Нильсен. – Отлично! Вот вам скотч, приклейте ваш постер вот сюда. Если не торопитесь, можете выпить кофе.

И немедленно унеслась встречать почетного гостя.

Почетным гостем оказался профессор из Реннского¹⁴ университета, с которым мы тут же завязали светский треп о том, как непросто добираться из Бретани в Нормандию, до чего удобное в Ренне метро и как много там кофеен со специальными ценниками для студентов. Позже, когда началась сессия постерных докладов, профессор долго стоял у нашего ватмана и восклицал: «Да это же настоящее научное исследование!». Мы с Богумилой очень волновались, но отбились от всех вопросов; мадам Нильсен бегала мимо нас с видом именинницы.

– Девочки, вы большие молодцы! – объявила она по завершении конференции. – Давайте я сфотографирую вас для соцсетей нашей кафедры. Плакат вам не нужен?

Мы переглянулись – ни я, ни Богумила не хотели снова таскаться с ним под дождем.

– Отлично, тогда я заберу его для истории, – подытожила мадам Нильсен, скрутила ватман в трубку и убежала.

...В конце семестра, когда выяснилось, что участие в конференции никак не влияло на итоговую оценку по франкофонии, я слегка разволновалась. На контрольной мадам Нильсен показала себя настоящей дочерью викингов, поставив большей части группы оценки, которые в России приравнивали бы к тройке с плюсом.

¹⁴ Ренн, или же Рен (Rennes) – город в Бретани, на северо-западе Франции. Между Ренном и Каном около 200 км на автомобиле.

– Можно хотя бы получить подтверждение участия в конференции?

– Конечно!

И преподавательница пустила по рядам простые листочки А4 без печатей: «Настоящим удостоверяется, что такой-то такой-то выступил с постерным докладом в Канском университете. К. Нильсен».

Через пару дней мадам Нильсен вернулась в Осло, а мы с Богумилой остались у разбитого корыта: без постера, без сертификата, без фотографий в соцсетях кафедры и с тройками по предмету, к которому готовились усерднее всего.

Пришлось подключать реннского профессора и публиковать наш доклад в российском научном сборнике, но это уже совсем другая история...

5. Раковина и камень

Как приятно бывает ощущение усталого, но довольного бездумья, которое наполняет тебя прохладным вечером в салоне автобуса где-нибудь на альпийском серпантине или в нормандских полях!

Но я безнадежный человек, и едва оказываясь в таком положении, сразу начинала донимать себя упреками: а как же диплом? Что мне предъявлять по возвращении в Россию?

Я вздыхала и ехала дальше, все так же ничего не делая.

Однако под конец канской стажировки у меня все же возникла идея компромисса с совестью: поскольку в моем дипломе шла речь в том числе об импрессионистах, я решила устроить мини-тур по самым живописным местам, которые писали эти художники. Предполагалось, что нежные оттенки волн Ла-Манша на закате и невесомые облака в перерывах между дождем и ливнем окажут на меня такое *впечатление*, что я тут же брошусь писать опус на семьдесят страниц с введением, актуальностью и заключением.

Что ни говори, к дождю я уже успела привыкнуть, а вот к близости моря – еще нет. И в самом деле, вслед за местными жителями я постепенно привыкла считать морем Ла-Манш, который в России принято называть проливом, а в Великобритании и вовсе каналом. Эта трансформация не прошла гладко: до тех пор море ассоциировалось у меня со следя-

ми ила на нагретом песке, криками торговцев восточными сладостями, восторженными воплями малышей в надувных кругах и запруженным пляжем, на котором негде упасть яблоку. Поэтому, когда я впервые приехала на пляж Уистреама, мне было очень непривычно бродить по нему в полном одиночестве, да еще и одетой в куртку – дело было шестого января. Наконец, победив неловкость, я сошла с деревянного настила и побежала по мокрому песку, собирая самые красивые ракушки (неслучайно этот участок побережья по аналогии со знаменитым Лазурным берегом называется Côte de Nacre¹⁵

¹⁵ Перламутровый берег (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.